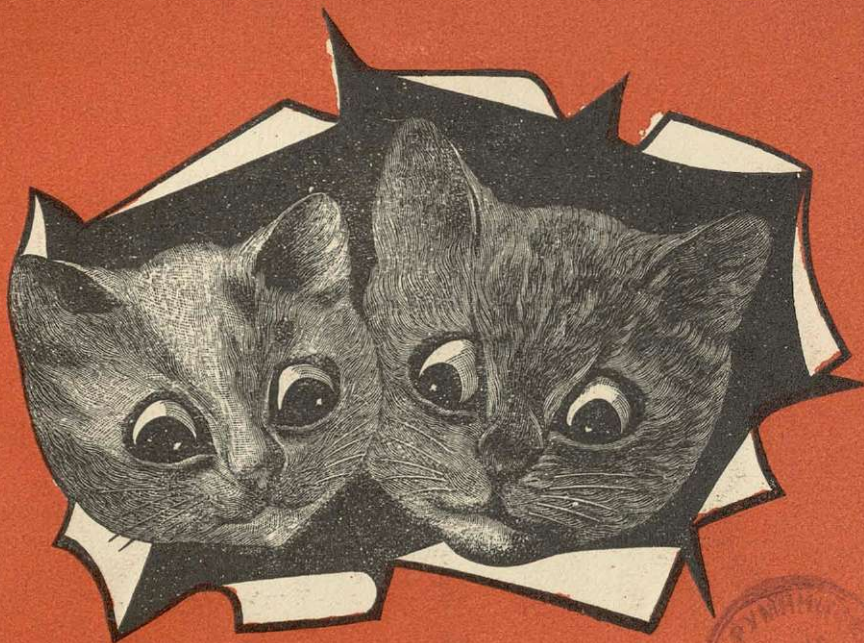

Годъ изданія четвертый.

ІЮЛЬ.

№ 18.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАБОТЛИВАЯ НЯНЯ.
НА ЛУГУ.
МАЛЕНЬКАЯ ХЛОЯ.
ПОМИРИЛИСЬ!
ІЮЛЬ.
ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Нѣмецкая деревушка.
«Въ тепломъ гнѣздышкѣ» — листъ 10-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Игра въ дурачки.

ЗАБОТЛИВАЯ НЯНЯ.

Въ самой глуши Индіи, не далеко отъ дремучихъ ліановыхъ лѣсовъ, тамъ, гдѣ не было уже ни городовъ, ни селеній, находились два жилища. Одно изъ нихъ было выстроено изъ камня, отличалось простотой, но въ то-же время и изысканностью и было обставлено съ такими удобствами, какія доказывали, что хозяиномъ его былъ европеецъ. И дѣйствительно, этотъ домикъ принадлежалъ англичанину сэру Джону, только недавно присланному въ Индію, чтобы изучать и охранять остатки индійской старины, только-что открытые въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ привезъ сюда съ собой изъ Европы единственнаго сына, маленькаго Боба, воспитанію котораго, за отсутствіемъ матери, онъ посвящалъ весь остатокъ своего времени. Онъ читалъ ему сказки, происшествія и приключенія различныхъ охотниковъ, мальчикъ слушалъ его съ восхищеніемъ и, по цѣлымъ днямъ предоставленный самому себѣ, скоро сталъ мечтать о путешествіи и приключеніяхъ и самъ и съ какимъ-то страннымъ восторгомъ посматривалъ на синѣвшій вдалекѣ лѣсъ, которому не было конца и который кишѣлъ разными животными, птицами и змѣями.

Недалеко отъ усадьбы сэра Джона

находилась жалкая туземная хижина, сколоченная на скорую руку изъ бамбуковыхъ вѣтвей и замазанная снаружи грязью вмѣсто извести. Въ ней было трое обитателей: индусъ Путра, занимавшійся земледѣліемъ и охотой, его маленький сынишка Яма и громадный, старый слонъ Нисе.

Не было ничего удивительнаго въ томъ, что у такихъ жалкихъ бѣдняковъ былъ слонъ: Индія— страна слоновъ, они тамъ несутъ разныя домашнія работы и попадаютъ такъ-же часто, какъ у насъ лошади, коровы и собаки.

Когда въ этой хижинѣ изъ бамбука умирала хозяйка, жена Путры, то она призвала къ себѣ слона Нисе, протянула къ нему своего ребенка Яму и сказала:—Береги его! Служи ему вѣрою и правдою и замѣни ему меня.

Могъ-ли Нисе понять ея слова? Конечно, нѣтъ, такъ какъ животныя не умѣютъ говорить. Но онъ понялъ смыслъ ея словъ по тону ея голоса и потому, что она протянула къ нему своего ребенка и затѣмъ умерла. И съ этого дня слонъ сталъ цѣлые часы проводить около дитяти; это громадное животное стало ухаживать за груднымъ младенцемъ и вполне замѣнило ему мать.

Когда Яма плакалъ или долго не спалъ, то слонъ тихо качалъ его колыбельку, сдѣланную изъ корзины, поставленной на полозья.

Слонъ тихо качалъ его колыбельку.

Когда-же ребенокъ просыпался, то онъ бралъ его въ свой хоботъ и выносилъ его гулять. Подъ его заботливымъ наблюдениемъ Яма росъ и становился бойкимъ и сильнымъ мальчуганомъ. Когда онъ сталъ бѣгать, то Нисе его всюду сопровождалъ и ни на одну минуту не оставлялъ его безъ своего наблюдения. Когда-же затѣмъ прибыли откуда-то каменьщики и стали строить для сэра Джона домъ, то слонъ водилъ Яму на постройку и все время держалъ его за рубашечку у пояса, чтобы онъ какъ-нибудь не свалился и не упалъ. Эти заботливыя ухаживанія слона за ребенкомъ скоро обратили на себя вниманіе сэра Джона и онъ

познакомился съ индусомъ Путрой и сталъ давать ему то ту, то другую работу.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ и два мальчика, теперь уже девяти и десяти лѣтъ, Яма и Бобъ, сдружились и стали проводить время вмѣстѣ. Часто Бобъ пропадалъ изъ дому на цѣлые дни, это безпокоило его отца, но, узнавши, что онъ у Ямы, сэръ Джонъ оставался доволенъ.

— Пусть поиграютъ вмѣстѣ!.. говорилъ онъ имъ.—Бобъ у меня сирота и одинокъ. Ему скучно съ такимъ старикомъ, какъ я. Я только и могу, что прочесть ему какое-нибудь путешествіе или рассказать про приключенія охотниковъ въ лѣсу. Пусть побѣгаетъ съ Ямой. Только-бы не скучалъ одинъ!

И Бобу дѣйствительно было интересно у Ямы. Его интересовало у него все: и хижина, обмазанная грязью, и рисовыя поля, и обработка земли, но болѣе всего его интересовало у индусовъ слонъ. Неужели этотъ громадный Нисе былъ ручнымъ и могъ подчиняться даже такому малышу, какъ Яма? А Яма, видя удивленіе своего товарища передъ слономъ и желая доставить ему удовольствіе, какъ-то сказалъ:

— Приходи ко мнѣ каждый день и мы будемъ съ Нисе играть!

Приходить каждый день! Играть со слонемъ! Бобъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. И съ этихъ поръ онъ

каждое утро сталъ прибѣгать къ Ямѣ, они оба катались на слонѣ, играли съ нимъ въ прятки, въ мячъ, заставляли его размахивать палкой и пускать кверху изъ хобота фонтаномъ воду и для европейскаго мальчика казалось страннымъ, что такое громадное животное и могло такъ нѣжно и осторожно играть съ дѣтьми.

Мальчики подружились, все время стали проводить вмѣстѣ и разставались другъ съ другомъ только развѣ для того, чтобы сбѣгать домой пообѣдать или попить.

Цѣлый годъ прошелъ, счастливый и спокойный для обитателей бамбуковой хижины и бѣлой дачи. А затѣмъ между мальчиками завелось что-то таинственное, что они стали скрывать отъ своихъ отцовъ. Они разговаривали между собой о чемъ-то шепотомъ, хотя въ этомъ и не было никакой необходимости, такъ какъ отцы имъ вѣрили во все, никто не могъ ихъ разслышать, и это придавало еще больше важности и таинственности ихъ разговорамъ. Было ясно, что они задумали что-то такое, чего старшіе не позволили-бы имъ сдѣлать и что необходимо было теперь отъ нихъ скрывать.

И дѣйствительно, однажды утромъ, наскоро поѣвъ и попивъ, оба мальчика куда-то вдругъ исчезли. Они не простились не только со своими отцами, но даже избѣжали встрѣчи со слономъ Нисе,

такъ какъ боялись, что онъ можетъ ихъ выдать. Они прихватили съ собой рисовыхъ сухарей и плодовъ, одинъ привязалъ ихъ къ поясу, а другой—набилъ ими карманы. Кромѣ того Бобъ, наслушавшійся и начитавшійся разныхъ рассказовъ о приключеніяхъ, захватилъ съ собой игрушечный лукъ и стрѣлы. Ими онъ будетъ стрѣлять въ дикихъ звѣрей и въ краснокожихъ, если они попадутся ему на пути. Если-же ихъ путешествіе затянется на долгое время, то онъ будетъ стрѣлять ими въ дичь и постарается пропитать и себя, и Яму.

Въ этомъ-то и состоялъ весь секретъ мальчишекъ: они отправились въ далекое путешествіе для открытій.

Горя отъ нетерпѣнія и подстрекая одинъ другого, они долго обдумывали свой планъ. И вотъ теперь, гордые своею рѣшимостью, они отправились въ путь. Они на цыпочкахъ выбрались изъ дома, потихоньку пробрались по мягкой травѣ до выхода въ поле и затѣмъ со всѣхъ ногъ пустились бѣжать. Теперь они были уже убѣждены, что никто, и даже слонъ Нисе не замѣтитъ ихъ побѣга.

Часъ спустя, они были уже у опушки безконечнаго лиановаго лѣса. Онъ былъ цѣлью ихъ путешествія: они хотѣли пересѣчь его, выбраться на горы по ту сторону его, и тамъ начать жизнь Робин-

зоновъ. Они выстроятъ тамъ для себя хижину, будутъ въ ней жить, питаться плодами и кореньями и, если понадобится, — то и сражаться съ краснокожими, хотя въ глубинѣ души и сознавали, что краснокожихъ въ Индіи нѣтъ. Не видавъ никогда ничего въ жизни, кромѣ сахарныхъ тростниковъ и рисовыхъ полей, мальчуганы часто разговаривали между собой о таинственныхъ ліановыхъ заросляхъ, о томъ, какъ должно быть интересно блуждать по безконечному лѣсу, сами не зная, куда, и какъ красива и полна приключеній должна быть такая бродячая жизнь. Они вѣрили въ то, что на свѣтѣ еще есть чудесныя, таинственныя страны, въ которыхъ еще ни разу не ступала человѣческая нога и въ которыхъ текли медовыя рѣки и были кисельные берега.

Въ полдень мальчики сдѣлали привалъ. Они раздѣлили между собою поровну сухари и плоды, поѣли ихъ и отправились далѣе.

Они шли еще долгое, долгое время... Ноги ихъ уже стали отказываться имъ служить. Наступалъ вечеръ. Съ деревьевъ начавшагося уже лѣса спускались ліаны, по которымъ ползали змѣи, а внизу въ безконечную даль тянулись почти непроницаемыя заросли, сквозь которыя трудно было двигаться впередъ. Въ дикомъ лѣсу, въ разныхъ концахъ его, стали раздаваться какіе-то странные

крики невѣдомыхъ птицъ и звѣрей. Шипѣли змѣи. Кричали попугаи и бросались сверху вѣтками испуганныя обезьяны. Настала ночь...

Яма первый заговорилъ о возвращеніи домой. Мальчики давно уже сознали свою ошибку и хотѣли вернуться домой, но каждому изъ нихъ было стыдно начать первому объ этомъ разговоръ. Теперь-же имъ было страшно и усталыя ноги едва ихъ несли.

— Мнѣ страшно... сказалъ наконецъ Яма.—Вернемся назадъ!.. Уже поздно!

Бобъ давно уже ожидалъ этихъ словъ.

— Я тоже боюсь... отвѣтилъ онъ со слезами на глазахъ.—Но какъ найти дорогу обратно домой?.. Развѣ ее въ темнотѣ найдешь? Кромѣ того я усталъ и мнѣ хочется кушать...

Они хотѣли разыскать дорогу по своимъ слѣдамъ, но примятая ими трава уже поднялась и изъ нея только глядѣли на нихъ страшными глазами свѣтящіеся червяки.

Надвигалась гроза.

Чтобы ходить по такому заросшему таинственному лѣсу, нужно было-бы имѣть при себѣ компасъ или-же ставить на пройденномъ уже пути замѣтки; они-же этого не сдѣлали, а о существованіи компаса даже вовсе и не подозрѣвали. И мальчики поняли теперь,

что окончательно заблудились въ безконечномъ, страшномъ лѣсу...

— Что-же теперь дѣлать? спрашивалъ со слезами на глазахъ Бобъ.

— Я не знаю... отвѣчалъ ему Яма, дрожавшимъ отъ страха голосомъ. — Вѣдь ты-же говорилъ самъ, что знаешь дорогу черезъ этотъ лѣсъ.

И, опустившись на высокую траву, оба мальчика упали лицомъ къ землѣ и стали плакать.

Вокругъ нихъ столпились деревья, протягивая къ нимъ свои мрачныя вѣтви, лѣсные звуки стали еще громче и страшнѣе и мальчикамъ казалось, что если они сейчасъ встанутъ и снова отправятся въ путь, то затеряются въ лѣсу навсегда.

— Я не могу... плакалъ Яма. — Я больше не пойду никуда! Мнѣ страшно, мнѣ хочется ѣсть! Вернемся домой!..

А Бобъ попрежнему лежалъ лицомъ къ землѣ и горючія слезы текли у него по щекамъ и по рукамъ.

Тѣмъ временемъ слонъ Нисе уже давно хватился исчезновенія дѣтей. Онъ забеспокоился, засуетился, насколько это можно было судить по его огромной, неуклюжей фигурѣ, долго искалъ повсюду Яму, забѣгалъ на дворъ къ сѣру Джону и, не найдя мальчиковъ и тамъ, вытягивалъ впередъ хоботъ, какъ палку, и долго нюхалъ имъ

воздухъ или обнюхивалъ на травѣ ихъ слѣды.

Окончился день. Закатилось солнце. Началась затѣмъ ночь. Слонъ все время поджидалъ дѣтей, но они все еще не возвращались. Тогда сильное безпокойство овладѣло вдругъ животнымъ. Когда-же на небѣ потянулись тучи и засверкали отдаленныя молніи, то умный слонъ потерялъ наконецъ терпѣніе и, все еще нюхая воздухъ и присматриваясь къ травѣ, со всѣхъ ногъ пустился къ далекому лѣсу. Вотъ уже онъ въ заросляхъ, вотъ уже онъ у высокихъ деревьевъ, съ вѣтвей которыхъ спускаются ползучія ліаны. Онъ входитъ въ лѣсъ.. Сучья трещатъ подъ его ногами, онъ вырываетъ хоботомъ цѣлыя молодыя деревья, чтобы свободнѣе было идти, и тяжелыми ступнями приминаетъ траву. Онъ хрипитъ, онъ волнуется, онъ ищетъ и все далѣе и далѣе пробирается въглубь лѣса. Змѣи шипятъ на него, испуганныя обезьяны бросаютъ въ него шишками и плодами, но онъ не замѣчаетъ ничего и все идетъ и идетъ впередъ...

Какъ вдругъ длинный, похожій на мяуканье, крикъ нарушаетъ молчаніе ночи. Обезьяны сразу затихаютъ, во всемъ лѣсу, точно по мановенію волшебнаго жезла, какъ-то въ одинъ моментъ, сразу наступаетъ тишина. Слонъ останавливается и начинаетъ прислушиваться! Грозное мяуканье про-

должается снова. Слоны узнают его. Это—тигръ.

Затѣмъ, словно сообразивъ что-то, слонъ стремительно бросается впередъ, выворачивая съ корнемъ деревья и кусты, попадающіеся ему на пути. Онъ долженъ спѣшить...

Спускается туча, молнія разрываетъ небо и при вспышкѣ ея Нисе видитъ, какъ что-то длинное полосатое ползаетъ по травѣ около дерева и съ удовольствіемъ мяукаетъ. Глаза его, какъ двѣ зеленныя искры, сверкаютъ въ темнотѣ. Это—тигръ. Онъ поглядываетъ на дерево и чего-то ждетъ...

Снова вспыхиваетъ молнія и при свѣтѣ ея слонъ видитъ на томъ-же деревѣ, на вершинѣ его, два человѣческія существа. Это—Яма и Бобъ. Они крѣпко ухватились за его стволъ и глаза ихъ искажены ужасомъ. Они висятъ на деревѣ уже два часа, руки ихъ уже ослабѣли и отекли и черезъ пять, много черезъ десять минутъ, они уже будутъ не въ силахъ держаться на стволѣ и свалятся внизъ, гдѣ ихъ ожидаетъ мяукающій тигръ. У дерева настолько прямой и тонкій стволъ, что тигръ не можетъ взобраться на него самъ. Но что-жъ изъ этого? Ему не долго еще осталось ихъ ожидать. Сейчасъ они оба свалятся къ нему прямо въ пасть!

Бобъ вспомнилъ о своихъ стрѣлахъ и о лукѣ, но что можно было

ими сдѣлать? Это была дѣтская игрушка, не пригодная ни къ чему и развѣ только достаточная для того, чтобы ею поугатать зазѣвавшихся воронъ.

— Если мы не продержимся еще полчаса, сказалъ Яма,—то мы погибнемъ. Тигръ насъ заѣстъ. Держись крѣпче, Бобъ!

— Если погибну я, отвѣтилъ Бобъ,—то это еще ничего. Если же погибнешь ты, то этотъ грѣхъ будетъ лежать на моей душѣ. Я тебя смутилъ.

Но въ это время вдругъ раздался подъ деревомъ внизу трескъ сучьевъ. Вспыхнувшая молнія освѣтила вдругъ всю поляну и дѣти увидали внизу громадную, темную массу слона.

— Это Нисе! воскликнулъ Яма, не помня себя отъ радости.—Нисе, Нисе! Моя милая, дорогая няня Нисе!

Бобъ тоже не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Нисе подошелъ поближе къ дереву, протянулъ къ мальчикамъ свой хоботъ и каждого изъ нихъ осторожно снялъ со ствола и посадилъ къ себѣ на спину. Они не знали, какъ его благодарить. Завидѣвъ, что добыча ускользаетъ, тигръ зарычалъ, затѣмъ заревѣлъ и выгнулъ спину, чтобы яростно бросится на слона и стащить у него со спины дѣтей. Глаза его метали искры.

Нисе остановился. Тигръ при-

Въ Сѣверо-Восточной Сибири.

Укачиваютъ братишку.

близился къ нему, хотѣлъ на него вскочить, но слонъ схватилъ его вдругъ неожиданно хоботомъ перекъ тѣла и сжалъ его въ объятіяхъ своего хобота такъ, что дѣти слышали, какъ захрустѣли его кости. Затѣмъ онъ швырнулъ своего врага на землю, прокололъ его своимъ клыкомъ и наступилъ на него могучею ногою. Потомъ убѣдившись, что тигръ теперь уже совершенно безопасенъ, Нисе помчался съ дѣтьми въ обратный путь. По сломаннымъ имъ-же самимъ и вырваннымъ съ корнемъ деревьямъ и кустарникамъ онъ находилъ свою дорогу и то и дѣло поднималъ кверху свой хоботъ, чтобы потрогать имъ дѣтей и еще лучше убѣдиться, что они все еще на его спинѣ. А они сидѣли на немъ, крѣпко обнявшись, и не смѣли отъ страха сказать ни слова. И только когда мрачный лѣсъ остался уже позади и далеко передъ ними замигалъ ласковый привѣтливый огонекъ, горѣвшій въ домѣ потерявшаго голову сэра Джона,—они съ облегченіемъ, глубоко вздохнули и стали отъ радости смѣяться и визжать.

Навстрѣчу слону выбѣжали два человѣка съ фонарями въ рукахъ. Это были англичанинъ и индусъ, искавшіе своихъ дѣтей и догадавшіеся, что ихъ нашелъ уже Нисе и несетъ ихъ на себѣ домой.

Нужно-ли описывать ту радость, съ какою произошла встрѣча родителей и дѣтей?

Когда-же полчаса спустя, Бобъ и Яма были уже дома и готовились уже ложиться въ свои кровати, то каждый изъ нихъ далъ себѣ обѣщаніе не предпринимать больше никогда такихъ рискованныхъ путешествій: оба они уже достаточно были наказаны тѣмъ, что имъ пришлось испытать въ лѣсу. Но самымъ тяжкимъ наказаніемъ для нихъ было то, что съ этихъ поръ слонъ Нисе не оставлялъ ихъ ни на одну минуту однихъ. Онъ всюду слѣдовалъ за ними и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль подрядъ держалъ то одного, то другого изъ нихъ хоботомъ за рубашку, такъ что они не могли даже попросту упасть.

Подъ конецъ имъ это надоѣло и они стали обижаться.

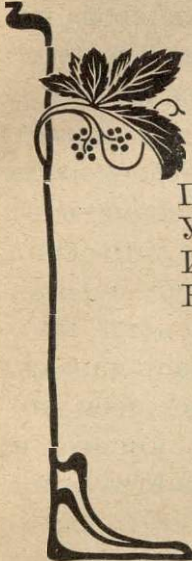
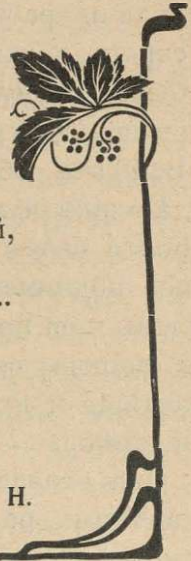
— Да когда-же ты, нянька-Нисе, оставишь насъ въ покоѣ! какъ-то разъ крикнулъ на слона Яма.

Но слонъ поглядѣлъ на мальчика такими глазами, точно хотѣлъ сказать:—

— Развѣ ты не знаешь, какъ я тебя люблю! Вѣдь я далъ обѣщаніе твоей покойной матери беречь тебя и ласкать! И я сдержу свое слово до конца!

по Jean Hellé.

 ≡ НА ЛУГУ. ≡

Подъ березкой лежу
У обрыва рѣки
И съ улыбкой слѣжу,
Какъ летять мотыльки,

Какъ играетъ рѣка
Серебристой волной,
И бѣгутъ облака
Высоко надо мной...

Я уйти не могу,
Здѣсь просторъ и покой...
Хорошо на лугу
Надъ широкой рѣкой!

А. Н.

МАЛЕНЬКАЯ ХЛОЯ.

У лазурныхъ водъ Неаполитанскаго залива стоитъ роскошная вилла римскаго знатнаго человека Лицинія Клара. Прямо отъ дома и до самой воды ведетъ широкая мраморная лѣстница, уставленная по бокамъ художественными статуями. Позади дома убѣгаетъ навѣрхъ прекрасный паркъ, въ которомъ пышно цвѣтутъ магноліи и темнѣютъ кипарисы и съ лѣнивымъ журчаніемъ бѣгутъ внизъ ручьи прохладной, прозрачной воды. На всемъ лежитъ отпечатокъ довольства и благополучія и видно что хозяинъ этой виллы не жалѣлъ средствъ на то, чтобы сдѣлать ее прекрасной, какъ игрушка.

Почти у самой воды, на мраморной лѣстницѣ стоитъ молодая дѣвушка и задумчиво глядитъ на Неаполитанскій заливъ. Это единственная дочь Лиципія Клара—Флавія. Она—сирота. Ея мать умерла еще тогда, когда она была ребенкомъ. Отецъ не чаялъ въ ней души, оставилъ ее роскошью и богатствомъ, окружилъ ее толпами рабовъ и рабынь, но она скучала. Ей нечѣмъ было заняться, такъ какъ за нее все дѣлали другіе, а то, что ей хотѣлось-бы дѣлать, считалось для нея, какъ для римской знатной барышни, — неприличнымъ: она не могла шить, не могла заниматься хозяйствомъ и даже сама одѣваться. Все это за нее

дѣлали рабыни. Отецъ ея былъ строгъ и даже жестокъ съ рабами, былъ тщеславенъ и ждалъ для своей дочери знатнаго жениха. Вся эта обстановка создала въ дѣвушкѣ чувство неудовлетворенности своею жизнью, а безусловное подчиненіе ей рабовъ и рабынь и ея право надъ ихъ жизнью и смертью создали въ ней высокомеріе и презрѣніе къ низшему человѣку.

Она стояла у самаго моря и скучающимъ, равнодушнымъ взоромъ смотрѣла на бѣлѣвшіеся паруса неаполитанскихъ рыбаковъ и на лиловую массу Везувія изъ котораго тонкой струйкой вырывался наружу дымъ. Но эта очаровательная картина моря и вулкана, къ которой она давно уже привыкла, не возбуждала въ ней никакого интереса. Все для нея было просто и обыкновенно, какъ простыми и обыкновенными кажутся намъ чахлый лѣсокъ или пожелтѣвшее поле ржи, когда мы проѣзжаемъ мимо нихъ въ вагонѣ.

„Чѣмъ-бы заняться?“ думаетъ Флавія.—„Что-бы такое сдѣлать, чтобы не скучать?“

И она рѣшаетъ поѣхать кататься. Она поѣдетъ одна, безъ кучера-раба. На прошлой недѣлѣ отецъ подарилъ ей пару маленькихъ лошадокъ, которыхъ ему привезли изъ Каррагена, на нихъ-то она и поѣдетъ. Она прикажетъ запретъ ихъ въ маленькую позолоченную

колесницу, одѣнется въ свой новый выходной костюмъ, который ей только-что прислали изъ Рима и въ которомъ хитрыми руками знаменитой модистки устроено такъ много складокъ. Она возьметъ въ руки вожжи и помчится такъ, какъ вѣтеръ. Отецъ увидитъ ее изъ окошка, испугается, будетъ просить, чтобы она вернулась назадъ, потому что лошади еще незнакомы, но она не боится ничего и звонкимъ смѣхомъ отвѣтитъ на его предостереженія.

И Флавія поднялась по лѣстницѣ и по роскошному парку направилась къ тому мѣсту, гдѣ изъ-за густой зелени олеандровъ виднѣлись черепичныя крыши конюшенъ и дворовыхъ построекъ. Тамъ она прикажетъ старшему кучеру рабу Стиху запретъ ей лошадей.

Но едва она отошла нѣсколько шаговъ, какъ на встрѣчу ей попался ея отецъ. Онъ шелъ, опустивъ голову, и лицо его было озабочено мрачной думой. Увидѣвъ Флавію, онъ улыбнулся, лицо его освѣтилось привѣтливымъ выраженіемъ, но мрачная дума такъ и осталась у него въ складкахъ его высокаго римскаго лба.

— Я очень радъ, что встрѣтилъ тебя, Флавія, именно здѣсь, сказалъ онъ.—Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Опять о женихѣ? спросила Флавія и весело засмѣялась.

— Нѣтъ, продолжалъ Лициній,—

на этотъ разъ не о женихѣ, а кое-о-чемъ гораздо поважнѣе. Сядемъ здѣсь и выслушай меня.

Они присѣли на мраморную скамью. Лициній долго обдумывалъ, съ чего начать.

— Ну, и что-же? спросила наконецъ Флавія.

— Вотъ въ чемъ дѣло, отвѣтилъ отецъ.—Вчера ночью ко мнѣ вдругъ явился неожиданно нашъ рабъ Нумерій и сообщилъ мнѣ слѣдующее. Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ, въ далекой отсюда Палестинѣ, появился какой-то человекъ, котораго называютъ Христомъ и который, говорятъ, совершалъ чудеса и отличался строгостью жизни. Но не это важно. Важно то, что онъ проповѣдывалъ любовь къ ближнему, какъ къ самому себѣ, что всѣ люди свободны, что не должно существовать поэтому ни господъ, ни рабовъ и что будто-бы всѣ мы, рабовладѣльцы, должны отпустить на волю нашихъ слугъ. Это-бы еще ничего, но всѣ наши рабы, какъ донесъ мнѣ Нумерій, считаютъ этого Христа своимъ Богомъ и готовы перенести за Него всевозможныя мученія. Ты знаешь, сколько у насъ рабовъ. Ихъ нѣсколько тысячъ. Одна ты имѣешь для своей особы двѣсти рабынь. Вообрази теперь, что вся эта масса безправной челяди потребууетъ вдругъ отъ насъ свободы!

Онъ оглянулся по сторонамъ,

убѣдился, что за нимъ никто не наблюдаетъ, и низко склонившись къ дочери, уже шопотомъ продолжалъ:—

— Нумерій донесъ мнѣ также, что, что каждую ночь среди нашихъ рабовъ стали происходить какія-то совѣщанія. Они стали молиться какъ-то странно, не по нашему, всѣ хоромъ, стройно поютъ и называютъ себя почему-то христианами. Ну, однимъ словомъ, они уже перестали вѣрить въ нашихъ боговъ! Послѣ богослуженія они разбиваются на двѣ группы и начинаютъ совѣщаться: одни изъ нихъ требуютъ для себя немедленной-же свободы, готовы взять оружіе въ руки и идти на насъ съ тобой, другіе-же совѣтуютъ имъ покоряться и ждать и безропотно выносить свое рабское положеніе. Такъ вотъ, Флавія, я предупреждаю тебя отъ первыхъ. Не ходи и не ѣзди никуда одна. Среди рабовъ неспокойно. Кто-нибудь изъ нихъ можетъ тебя обидѣть.

Глаза Флавіи метнули искры.

— Обидѣть? произнесла она.— Это меня? Римскую патриціанку? Да кто-же это посмѣетъ?

И точно въ доказательство того, что обидѣть ее дѣйствительно никто не посмѣетъ, она поднялась со скамьи и горделивой походкой отправилась къ конюшнямъ. Отецъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и покачалъ головой.

— Такая-же своенравная, какъ

и ея покойная мать!... проговорилъ онъ.

И вытаскивъ изъ-запазухи свертокъ папируса, онъ быстро пробѣжалъ написанныя на немъ имена рабовъ.

— Всѣ они здѣсь... сказалъ онъ.— Всѣ, на кого донесъ Нумерій. Сегодня-же прикажу однихъ изъ нихъ зашить въ мѣшки и бросить въ море, другихъ отправить въ Римъ на разтерзаніе звѣрей, а третьихъ—сослать на каменоломни. Посмотримъ тогда, во что обратятся эти таинственныя собранія христіанъ и требованіе для себя свободы!

И съ довольнымъ видомъ онъ отправился къ себѣ въ домъ.

Флавія дошла до конюшни, приказала Стиху запретъ кареагенскихъ лошадей въ колесницу и подать ихъ къ виллѣ, а сама отправилась къ себѣ домой одѣваться въ свой новый костюмъ. Двѣнадцать дѣвушекъ-рабынь одѣли ее въ ея новое платье, она надѣла себѣ на шею золотую цѣпочку, на которой болтались пять крупныхъ брилліантовъ, взяла хлыстъ, вскочила на колесницу и поѣхала кататься.

— Будь осторожна! крикнулъ ей въ окно отецъ.

— Хорошо. Не безпокойся! отвѣтила она ему и помчалась по дорожкамъ парка.

Уже вечерѣло, когда, накатавшись вдоволь, Флавія возвраща-

лась къ себѣ домой. Доѣхавъ до воротъ своей усадьбы, она хватилась вдругъ своего драгоценнаго ожерелья. Оно все еще висѣло у нея на шеѣ, но только одного брилліанта, самого большого, на немъ не оказалось. Она потеряла его по дорогѣ и потому и хватилась его, что ожерелье стало легче. Флавія остановила лошадей около большой собачьей будки, въ которой жила лютая африканская цѣпная собака Лео, не подпускавшая къ себѣ близко никого, даже своихъ хозяевъ. Кто-бы ни проходилъ мимо, Лео бросался съ яростнымъ лаемъ на прохожаго и если-бы не было цѣпи, то онъ загрызалъ-бы его до смерти. Иногда, по приказанію хозяина, Лео травляли на непокорнаго раба и тогда несчастнаго, полуживого и изнемогавшаго отъ ранъ, уносили отъ будки обратно въ людскую.

— Хлоя! Сюда! крикнула, остановившись у собачьей будки Флавія такимъ тономъ, точно приказывала собакѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ, госпожа! послышался чей-то дѣтскій голосъ изъ глубины будки.—Я здѣсь!

И изъ отверстія собачьей будки показалась вдругъ черненькая головка дѣвочки лѣтъ двѣнадцати. Грязное, разорванное платье болталось на ея загорѣвшихъ плечахъ, волосы были всклокочены, нечесаны и торчали во всѣ сто-

роны. Щеки были блѣдны, и по мягкимъ, нѣжнымъ чертамъ лица, по выраженію глазъ дѣвочки и по ея хрупкимъ, тоненькимъ пальчикамъ можно было догадаться, что въ ея жилахъ текла благородная кровь.

— Я здѣсь, госпожа, здѣсь! почтительно повторила Хлоя, вылезла изъ будки совѣмъ и вытянулась во весь свой маленькій ростъ передъ Флавіей.

Хлоя была рабыня. Ее купили гдѣ-то на базарѣ, у какого-то грека, за дешевую плату вмѣстѣ съ матерью и помѣстили на виллѣ у Лицинія Клара. Но ея мать, повидимому не привыкшая къ непосильнымъ трудамъ, скоро умерла и блѣдная маленькая рабыня, жалкое существо, неспособное ни на какую тяжелую работу, было брошено на произволъ судьбы, а затѣмъ приставлено къ Лео, чтобы его кормить.—Быть можетъ, Лео сожретъ и ее! говорили рабы.—Все-таки однимъ страдальцемъ будетъ меньше!

Но Лео не сожралъ Хлою, а наоборотъ, между громаднымъ и неукротимымъ псомъ и маленькой тщедушной дѣвочкой сразу-же завелась искренняя, преданная дружба. Хлоя помѣстилась у него въ будкѣ, ѣла вмѣстѣ съ нимъ изъ одной чашки, глодала недоглоданные имъ кости и спала, крѣпко прижавшись къ его боку. Такъ ей было теплѣе. И съ тѣхъ поръ было

достаточно одного только слова Хлоя, чтобы песъ смирялся, переставалъ лаять и даже вилялъ хвостомъ тому, кто съ ней ласково велъ разговоръ.

Заслышавъ Флавію и загремѣвъ своей кованной цѣпью, Лео тоже выскочилъ изъ будки и съ яростью бросился на лошадей.

— Тише, Лео, уймись! сказала ему Хлоя.—Это свои!

Лео успокоился и, гремя цѣпью, снова убрался въ будку.

— Я жду твоихъ приказаній, госпожа! продолжала Хлоя.—Приказывай, я слушаю тебя.

Флавія показала ей на свое ожерелье. Оно сверкало, отражая въ себѣ косые лучи заходящаго солнца.

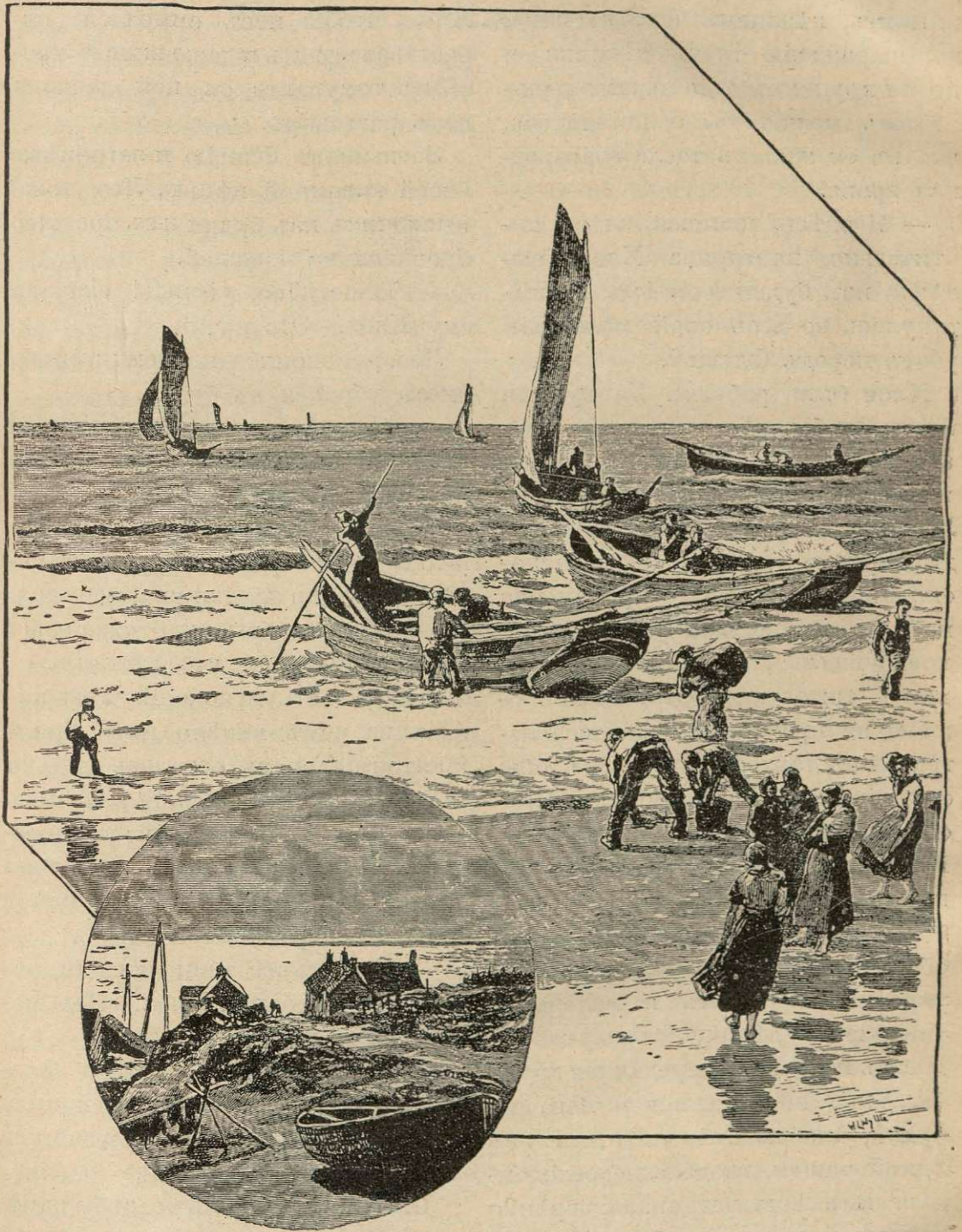
— Видишь ты это ожерелье? обратилась она къ дѣвочкѣ.—Только десять мгновений тому назадъ на немъ висѣло пять бриллиантовъ. Теперь осталось только четыре. Самого большого изъ нихъ нѣтъ. Я его гдѣ-то сейчасъ потеряла. Иди и ищи его. Ты должна его найти. Я буду ждать здѣсь твоего возвращенія.

— А какъ-же твои лошади, госпожа?—спросила Хлоя.—Лео можетъ ихъ испугать!

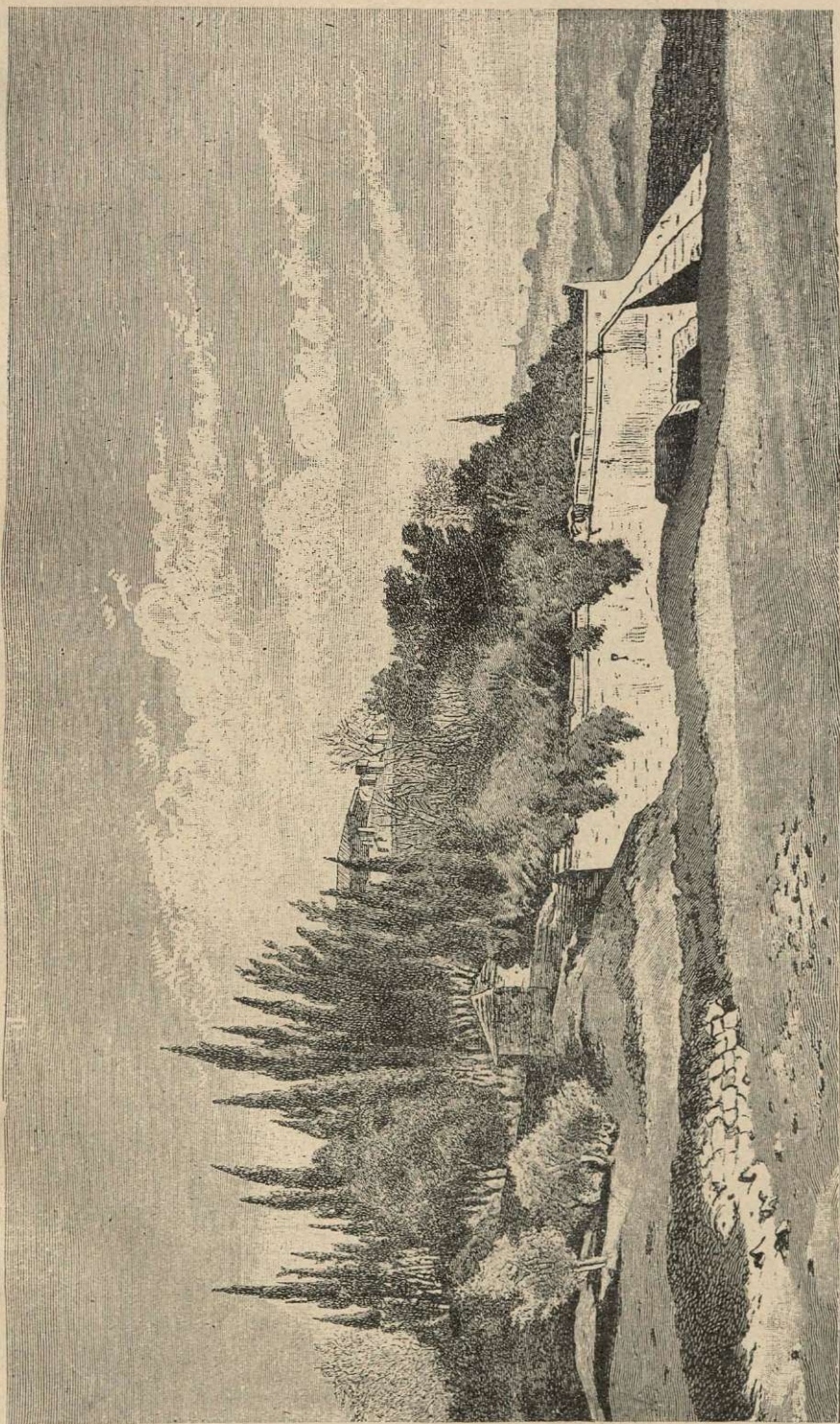
— А вотъ какъ! отвѣтила Флавія и, бросивъ вожжи, соскочила съ колесницы и тихонько хлеснула по лошадямъ плеткой.

Онѣ побѣжали въ усадьбу однѣ.

— Онѣ и сами найдутъ къ себѣ дорогу, сказала она.

На морскомъ берегу.

Въ Крыму.

Маленькая рабыня отправилась на поиски. Она шла по слѣдамъ, оставленнымъ колесами на песокъ, обшаривала каждый кустикъ и каждый уголокъ, переходила изъ аллеи въ аллею и только повторяла:

— Господи, Иисусе Христе, помоги мнѣ найти! Научи меня, гдѣ мнѣ найти камень изъ ожерелья моей госпожи!

Но всѣ ея старанія, всѣ ея поиски оказались тщетными, она не нашла потеряннаго брилліанта и возвратилась къ Флавіи съ пустыми руками.

— Ну, что? спросила ея госпожа.— Нашла?

Хлоя виновато опустила глаза.

— Нѣтъ, отвѣтила она.—Твоего драгоценнаго камня нѣтъ нигдѣ.

— Дрянная лѣнтяйка! вспыхнула вдругъ Флавія и занесла надъ нею плеть.—Вмѣсто того, чтобы искать, ты вѣроятно бѣгала празднично по травѣ!

И вдругъ подозрительность наполнила ея душу.

— А, можетъ, быть, ты уже и нашла мой брилліантъ, продолжала она,—только не хочешь мнѣ его отдать? Ты хочешь присвоить его себѣ?

Блѣдныя, смуглыя щеки дѣвочки покрылись вдругъ румянцемъ.

— Напрасно ты это говоришь, госпожа, отвѣтила она и слезы обиды засверкали у нея на глазахъ.—Я никогда не была воровкой!

Лицо Флавіи исказилось гнѣвомъ.

— Молчать, змѣенышъ! крикнула она на нее.—Ты не смѣешь разговаривать такимъ тономъ со своей госпожей! Завтра-же я прикажу зашить тебя въ мѣшокъ и бросить въ море!

— Какъ будетъ тебѣ угодно, госпожа, спокойно отвѣтила Хлоя.—Только я твоей драгоценности не крала!

Флавія больше не могла сдерживать себя, бичъ засвистѣлъ въ воздухѣ и она изъ всѣхъ силъ ударила имъ бѣдную рабыню прямо по лицу. Тонкая, красная полоса протянулась поперекъ лба и щеки дѣвочки и изъ разсѣченной губы ея заструилась кровь.

— Вотъ тебѣ, наглая дѣвчонка! крикнула Флавія и замахнулась во второй разъ.

Но здѣсь случилось нѣчто неожиданное: отъ быстрого движенія рукой одна изъ складокъ моднаго платья Флавіи раздвинулась и изъ нея выпалъ брилліантъ и скатился на землю. Увидѣвъ это, благородная римлянка сжала губы и ей стало неловко, что какая-нибудь Хлоя можетъ теперь упрекнуть ее въ несправедливости. И ей вдругъ и самой стало жалко маленькую рабыню и стыдно за свой поступокъ, но ея природная гордость помѣшала ей сознаться даже передъ самой собою и хотя немного приласкать Хлою и она высоко-

мѣрно повернулась къ ней спиною и повелительно сказала:

— Можешь убираться въ свою собачью конуру!

Хлоя влѣзла къ себѣ въ будку, обняла обѣими руками шею собаки и плакала, плакала безъ конца. Затѣмъ она устала и заснула.

Была уже полночь, когда ее разбудило злобное ворчаніе Лео. Она высулась изъ конуры и увидела какія-то страшныя тѣни, бродившія въ темныхъ аллеяхъ парка. Молча, дѣлая другъ другу какіе-то знаки, тѣни эти пробирались сквозь кусты и исчезали въ темной глубинѣ парка. Дѣвочка приглядѣлась къ нимъ и скоро догадалась, что это были рабы. Заинтересованная, она влѣзла изъ своей будки, успокоила Лео и тихонько, на цыпочкахъ отправилась велѣдъ за рабами. Они вышли изъ усадьбы, направились къ молотильному сараю и тайкомъ отъ своего господина, вошли въ него. Скоро Хлоя увидела замелькавшіе въ немъ огоньки, услышала донесшіеся до нея голоса и, пробравшись къ сараю съ задней стороны, прильнула глазомъ къ щелкѣ и стала въ нее смотрѣть.

Всѣ рабы были въ сборѣ въ этомъ огромномъ сараѣ. Они о чемъ-то говорили всѣ разомъ и нетерпѣливо размахивали руками.

— Стиха! Стиха! кричали они.— Пусть говоритъ Стихъ! Мы желаемъ его слушать!

На большой, опрокинутый ящикъ взошелъ рабъ Стихъ и сталъ говорить.

Хлоя не поняла, о чемъ онъ говорилъ. Одинъ изъ рабовъ стоялъ, прислонившись спиною къ той щели, въ которую она глядѣла, и до нея плохо долетали слова Стиха. Только подъ конецъ, когда въ сараѣ началось всеобщее движеніе, Хлоя ясно услышала его послѣднія слова.

— Товарищи! говорилъ Стихъ.— До нашего свѣдѣнія дошло, что завтра нѣкоторые изъ насъ будутъ защиты въ мѣшки и брошены въ воду. Другіе будутъ отправлены въ Римъ и тамъ въ циркѣ, на глазахъ у всѣхъ благородныхъ римлянъ, будутъ растерзаны дикими звѣрями. Третьихъ сошлютъ на каменоломни и заставятъ ихъ работать тамъ подъ палящими лучами солнца безъ одной капли воды. Какъ намъ отвѣчать на такія злодѣйства нашего господина?

— Простить его! отвѣтила часть рабовъ - христіанъ. — Терпѣть до конца! Нашъ Господь претерпѣлъ до конца и умеръ на крестѣ!

— Смерть! Смерть Лицинію Клару! кричала другая часть рабовъ, бывшихъ еще язычниками.

— Смерть его ненавистной дочери Флавіи! Смерть бездѣльницъ!

— Простить! Простить! Христосъ заповѣдалъ намъ прощать нашихъ враговъ!

— Смерть! Смерть! Сами боги приказали намъ мстить!

— Товарищи! На голоса! раздался вдругъ голосъ Стиха.—Пусть каждый изъ васъ подастъ голосъ за жизнь или смерть и какихъ голосовъ выйдетъ больше, такъ мы и должны поступить.

— На голоса! На голоса! заревѣла толпа.—Товарищи, подавайте голоса!

Она устала и заснула.

Съ напряженнымъ вниманіемъ, затаивъ дыханіе, Хлоя стала слѣдить за подачей голосовъ и за тѣмъ, что выйдетъ изъ этой подачи.

— Кто изъ васъ за жизнь, кричалъ Стихъ,—пусть кладетъ камень направо!

Рабы тотчасъ-же раздѣлились на двѣ группы и стали класть камни направо и налево

— Теперь давайте считать! крикнулъ Стихъ.

И начался подсчетъ камней. Хлоя слышала, какъ билось у нея сердце, и чувствовала, что вотъ-

вотъ сейчасъ силы оставятъ ее и она упадетъ безъ чувствъ на землю. Въ первый разъ въ жизни она присутствовала на такомъ многочисленномъ собраніи рабовъ и при ней производился такой страшный судъ.

— Смерть! крикнулъ въ послѣдній разъ Стихъ, сосчитавъ всѣ камни.—Нашимъ господамъ вышла смерть!

— Смерть Лицинію Клару! завопила толпа и повалила изъ сарая.—Смерть его дочери Флавіи! Нѣтъ имъ пощады!

Рабы-язычники разсѣялись по парку и съ разныхъ сторонъ, крадучись, направились къ виллѣ, а христіане отправились къ себѣ по домамъ. Маленькая Хлоя возвратилась къ себѣ въ собачью конуру, высунула изъ нея свою черную головку и, полная волненія, стала прислушиваться.

Почти тотчасъ-же донеслись до нея крики, раздавшіеся въ самой виллѣ.

— Значить, они уже тамъ! проговорила она.—Они убиваютъ моихъ господина и госпожу!

Послышались стоны и трескъ. Это рухнули массивныя двери и раздались стоны домашней прислуги, оставшейся еще вѣрною своимъ господамъ. Флавія еще не спала. Она думала о той несправедливости, которую дозволила себѣ по отношенію къ несчастной Хлоѣ. Почему дѣвочка такъ

кратко перенесла ея ударъ? Почему она даже не заплакала, а возмутилась только тѣмъ, что ее обозвали воровкой? Неужели и среди рабовъ, этихъ отверженныхъ псовъ человѣчества, есть и такіе, которые умѣютъ сознавать свое достоинство и обижаться на незаслуженныя оскорбленія?

„Я ей завтра что-нибудь подарю“... подумала Флавія и уже хотѣла заснуть, какъ вдругъ до нея донеслись разъяренные крики толпы, трескъ дверей, стоны рабынь... Она вздрогнула, вспомнила о томъ, что говорилъ ей отецъ, и всѣмъ тѣломъ затрепетала. Затѣмъ, полная ужаса, она вскочила съ кровати, накинула на себя плащъ, торопливо выпрыгнула въ окно и исчезла въ молчаливой глубинѣ парка.

Теперь она была спасена. Но куда идти? Бѣжать въ Неаполь? Но вѣдь это такъ далеко! Возвратиться опять въ домъ,—но это значило-бы идти на вѣрную смерть. И притаившись за кустомъ, она долго просидѣла за нимъ, каждую минуту ожидая, что ее найдутъ рабы, и съ трепетомъ прислушивалась къ звукамъ, которые долетали до нея изъ дома.

А ея отецъ, заслышавъ въ передней голоса рабовъ тоже вскочилъ съ постели, схватилъ мечъ и щитъ и бросился въ комнату къ своей дочери, чтобы ее защитить.

— Флавія, прошепталъ онъ.— Проснись! Спасайся! Бѣги! У насъ возмутились рабы!

И, не получивъ отъ нея отвѣта, онъ подошелъ къ ея постели и пошарилъ по ней рукою. Но постель была ужъ пуста.

— Флавія, гдѣ ты? уже громче спросилъ Лициній.—Если ты спряталась, то отзовись. Я твой отецъ.

И увидавъ открытое настежъ окно, онъ понялъ, что она успѣла уже убѣжать, и послѣдовалъ ея примѣру. Онъ уже выскочилъ въ окно и глухими, извилистыми дорожками побѣжалъ къ морю.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! кричалъ онъ.—Спасите! Помогите!

Точно кто-нибудь могъ его обещать отъ разъярившихся рабовъ!

А позади него въ домѣ происходилъ разгромъ. Возмутившіеся язычники-рабы били и ломали все, попадавшееся имъ на пути, разбивали роскошныя статуи, рвали и рѣзали дорогіе ковры и подъ конецъ зажгли виллу съ четырехъ концовъ.

— Смерть Лицинію! ревъла толпа.—Смерть его дочери!

И еще долго шумѣли и неистовствовали рабы и до самаго утра пылала роскошная вилла и ея зарево отражалось въ тихихъ волнахъ Неаполитанскаго залива. Не найдя своихъ господъ въ виллѣ, толпа разсѣялась по всему парку и долго искала ихъ по всѣмъ аллеямъ. Съ пылавшими факелами

въ рукахъ, рабы бѣжали взадъ и впередъ и всюду отыскивали Лидинія и его дочь. А затѣмъ они угомонились, разошлись и наступила тишина. И только ворчаніе и вой Лео, безумно рвавшася на своей цѣни, оглашали воздухъ.

Выглядывая изъ своей конуры, маленькая Хлоя съ ужасомъ слѣдила за мелькавшими факелами и за заревомъ пожара. Мимо нея не разъ и не два пробѣжали отыскивавшіе свою добычу рабы. И вдругъ, почти совсѣмъ близко отъ себя, на самомъ виду, Хлоя увидала дрожавшую женскую фигуру, спрятавшуюся за кустомъ. Это была Флавія, ея госпожа. На ней отъ ужаса не было лица и вся она дрожала, какъ былинка во время бури. Невдалекѣ бѣжали съ факелами рабы и теперь уже не могло быть никакого сомнѣнія, что они ее найдутъ и уведутъ съ собою. Жалостью наполнилось сердце маленькой рабыни. Она уже позабыла нанесенную ей обиду, сердце ея запрепетало, она выскочила изъ своей конуры, подбѣжала къ госпожѣ и поманила ее къ себѣ.

— Сюда! Сюда! зашептала она.— Спрячься сюда, госпожа!

Флавія увидала ее, узнала и опустила передъ ней на колѣни.

— Не выдавай меня! Умоляю тебя! заговорила она.— Прости меня, если въ твоёмъ сердцѣ еще есть мѣсто для того, чтобы простить!

Рабы были уже близко. Хлоя подскочила къ своей госпожѣ и насильно потянула ее за руку къ себѣ.

— Иди скорѣе, госпожа! быстро заговорила она.— Ужъ близко тѣ, которые тебя ищутъ. Ты видишь факелы? Это—рабы! Иди же за мною!

И она повела ее прямо къ конурѣ.

— Молчи, Лео, и не трогай нашу госпожу! пригрозила она собакѣ и почти насильно втиснула Флавію въ конуру.

А затѣмъ она сѣла около Лео, обхватила его обѣими руками за шею и стала его ласкать. Умное животное поняло ее. Не подпуская къ себѣ никого, кромѣ маленькой рабыни, оно предоставило Флавіи свою конуру и даже закрыло своимъ тѣломъ отверстіе, служившее въ нее входомъ.

Тѣмъ временемъ подошли рабы.

— Эй, ты, маленькая козявка! крикнули они ей.— Не видала-ли ты, куда скрылась наша госпожа?

— Не видала! спокойно отвѣтила Хлоя.

— А ты не лжешь?

— Зачѣмъ-же мнѣ гтать? Я не люблю свою госпожу... Еще вчера только она ударила меня хлыстомъ по лицу... Вы видите этотъ шрамъ?

— А ты здѣсь одна? У тебя никого нѣтъ въ конурѣ?

— А развѣ кого-нибудь подпустить къ себѣ этотъ Лео, кромѣ

меня? Подойдите къ нему поближе, пошарьте у него въ конурѣ и вы увидите тогда, кто изъ васъ первый отправится на тотъ свѣтъ! Ищите, кому не дорога еще жизнь!

Рабы въ нерѣшительности еще постояли минуту.

— Это правда, сказали они.— Лео не собака, а звѣрь!

И они толпою отправились далѣе. Когда затихли звуки ихъ шаговъ и наступила наконецъ тишина, то Хлоя просунула голову въ конуру, погладила Флавію по головѣ и ласково сказала:

— Успокойся, моя госпожа, они уже ушли. Если сможешь, то и усни!..

На утро изъ Неаполя пришелъ цѣлый легіонъ римскихъ солдатъ. Впереди нихъ шель Лициній Кларъ и готовилъ бунтовщикамъ смертную казнь. Но всѣ они разбѣжались по отдаленнымъ мѣстамъ и только у догоравшей виллы стояла кучка рабовъ-христіанъ и печально глядѣла на угли. При приближеніи къ нимъ господина всѣ они стали на колѣни.

— Господинъ, сказалъ старшій изъ нихъ.—Мы - христіане. Нашъ Христосъ запрещаетъ намъ убійство, насиліе и грабежъ. Ты видишь, какъ мало насъ осталось. Большая часть изъ насъ пала подъ ударами твоихъ язычниковъ-рабовъ. Мы защищали твой домъ, какъ могли, и не наша вина въ томъ, что не погибли за тебя и мы.

Лиципій гнѣвно сверкнулъ на нихъ очами.

— Взять ихъ, scomандоваль онъ солдатамъ,—связать ихъ всѣхъ и отправить въ Римъ на растерзаніе звѣрямъ!

Услышавъ свой приговоръ, христіане-рабы нисколько не смутились и, скрестивъ руки на груди, стройно запѣли хоромъ.

Лиципій обошелъ все пепелище и паркъ. Онъ искалъ Флавію и нигдѣ ее не нашель. „Куда-бы они могли дѣть ея трупъ?“ подумалъ онъ.

И проходя мимо собачьей будки, онъ увидалъ Хлою. Утомившись за ночь, дѣвочка лежала около Лео и дремала.

— Ты не знаешь, гдѣ моя дочь? рѣзко спросилъ ее Лиципій.

Она вздрогнула, вскочила и протерла глаза.

— Твоя дочь жива, отвѣтила она съ улыбкой.

— Жива? удивился Лиципій.— Но гдѣ-же она? Что ты говоришь?

Маленькая рабыня показала пальцемъ въ собачью конуру.

— Она здѣсь... робко отвѣтила она.—Я ее спрятала сюда!.. Но не буди ее; она такъ сладко спитъ послѣ этой ужасной ночи! Пусть себѣ спитъ!

Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Нагнувъ голову и заглянувши въ конуру, онъ дѣйствительно увидалъ въ ней свою спавшую дочь. Безумная радость наполнила его

душу, ему захотѣлось вдругъ подскочить къ этой черненькой, грязной дѣвочкѣ, обнять ее, поцѣловать, прижать ее къ своей груди. Но Лео лаялъ и рвался на цѣпи. Хлоя унимала его, но онъ почему-то ее не слушался и бросался на своего господина.

— Но почему ты такая добрая? спросилъ дѣвочку Лициній.—Моя дочь общалась тебѣ награду? Она подкупила тебя? Скажи мнѣ, сколько она тебѣ пообщалась, и я сейчасъ-же выдамъ тебѣ втрое больше!.. Почему ты ее спасла?

Хлоя подошла къ нему, вытянулась передъ нимъ во весь свой ростъ, разстегнула грудь и съ гордостью показала на висѣвшій у нея на шеѣ крестъ.

— Вотъ почему! отвѣтила она.— Потому что моя мать была христіанкой и сдѣлала христіанкой и меня!

Лициній задумчиво опустил глаза.

— Ты христіанка... проговорилъ онъ.—Христіане и тѣ, которые говорятъ сейчасъ, что защищали

мой домъ, и которыхъ я приказалъ арестовать. Что-же это за люди, которые жертвуютъ собою и любятъ своихъ ближнихъ, какъ самихъ себя?!

И, возвратившись къ остаткамъ своей виллы, онъ увидалъ, какъ солдаты скручивали христіанамъ руки назадъ.

— Отпустите ихъ! скомандовалъ онъ.—Развѣ вы не видите, что это — христіане?

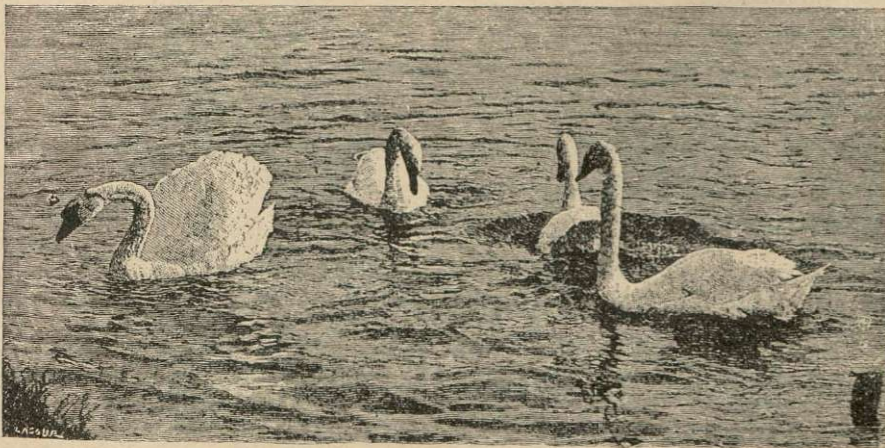
Солдаты съ удивленіемъ посмотрѣли на него и отошли отъ рабовъ прочь.

Въ тотъ-же вечеръ Лициній призывалъ къ себѣ Хлою и при всѣхъ ей объявилъ:—

— Отнынѣ я дарую тебѣ свободу. Теперь ты полноправная римская гражданка. Ты будешь жить съ моей дочерью и замѣнишь ее сестру!

Говорятъ, что въ тотъ-же вечеръ онъ отпустилъ на свободу и остальныхъ рабовъ и что подъ вліяніемъ Хлои Флавія скоро сдѣлалась христіанкой.

—скій.

ПОМИРИЛИСЬ!

Сценка въ одномъ дѣйстви.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Леночка—девяти лѣтъ и Костя—семи лѣтъ.
Оба одновременно входятъ на сцену съ противоположныхъ сторонъ и каждый изъ нихъ что-то прячетъ въ рукѣ за спиной.

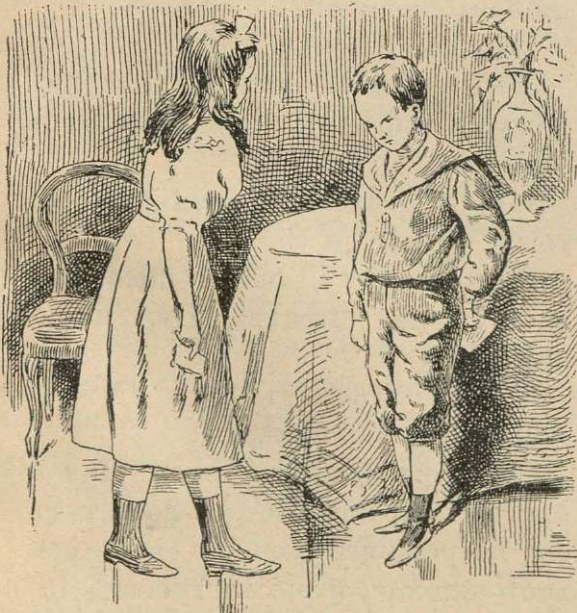
Леночка. Что это тамъ, Костя, у тебя въ рукѣ?

Костя. Это тебя не касается, Леночка. Ты слишкомъ любопытна!

Леночка. Ахъ, какъ вы сегодня любезны! Настоящій кавалеръ!

Костя. Я сегодня такой-же, какъ и всегда. А что это ты тамъ прячешь себѣ за спину?

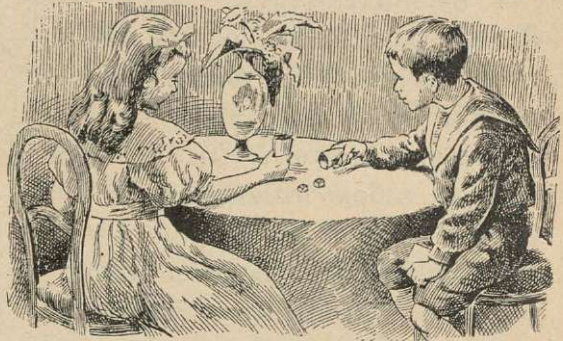
Леночка. Не суй своего носа туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ.

— Что это тамъ, Костя, у тебя въ рукѣ?

Костя. Вы сегодня такъ-же любезны, какъ и я.

Леночка. Такъ тебѣ и надо!

— Знаешь, что? Давай бросимъ жребіи!

Костя. Если мы такъ начинаемъ съ утра, то что-же будетъ далѣе?

Леночка. И это ты въ нынѣшній-то день! Подумай, какое сегодня число!

Костя. Ну, хорошо, я скажу тебѣ: это—письмо, которое я кому-то пишу... Только я его еще не кончилъ!

Леночка. И у меня тоже!.. Я тоже кому-то написала письмо...

Костя. Такъ давай прочтемъ вмѣстѣ!

Леночка. А ты кому пишешь?

Костя. Нѣтъ, ты скажи первая, кому ты написала?

Леночка. Ты очень любопытень...

Костя. А зачѣмъ-же и ты лѣ-

вешь со своимъ носомъ ко мнѣ въ письмо?

Леночка. Ну, вотъ, опять начинается! Вѣчно ссоры!.. Только вчера вечеромъ разсорились не на жизнь, а на смерть, а сегодня опять...

Костя. Но вѣдь ты первая стала любопытничать!

Леночка. А ты развѣ не потребовалъ, чтобы я показала тебѣ мое письмо!

Костя. Ну такъ мы не сойдемся съ тобою никогда!

Леночка. И не нужно! Очень мнѣ надо связываться съ тобой!

Костя. Зачѣмъ-же ты тогда приходила сюда? Я шелъ сюда, чтобы спокойно окончить здѣсь мое письмо и чтобы мнѣ здѣсь никто не помѣшалъ.

Леночка. Нѣтъ, зачѣмъ ты прилѣзъ сюда? Я мирно и тихо шла сюда, чтобы окончить здѣсь свое письмо, а ты вдругъ явился сюда и помѣшалъ.

Костя. Но вѣдь мы вошли сюда оба вмѣстѣ, въ одинъ разъ.

Леночка. Въ такомъ случаѣ изволь показать мнѣ твое письмо!

Костя. Покажи ты сначала!

Леночка. Ну, вотъ опять начинается ссора!

Костя. Это ты сама ее начинаешь!

Леночка. Ты долженъ уступить первый, потому что я большая!

Костя. А я—маленькій!.. Мнѣ все позволяется!

Леночка. Но я—дама. Всѣ кавалеры должны уступать дамамъ.

Костя. Хороша дама, нечего сказать! Всего только девятый годъ!

Леночка. Не девятый, а ужъ девять!

Костя. Тѣмъ хуже. Выросла уже большая, а по прежнему—дура!

Леночка. Ты-то самъ очень уменъ!

Костя. Да ужъ поумнѣе тебя! Я слышалъ, какъ папа и мама потихоньку говорили между собой, что я не красивъ, за то уменъ не по лѣтамъ.

Леночка. Они это сказали? А что они говорили про меня?

Костя. Не скажу.

Леночка. Костенька, миленькій, скажи! Я тебѣ за это мое письмо покажу!

Костя. Покажи!

Леночка. А если я тебѣ покажу, а ты вдругъ не покажешь мнѣ свое?

Костя. Покажи сначала ты, тогда покажу и я!

Леночка. Давай покажемъ сразу, оба вмѣстѣ! Ну, начинай ты!

Костя. Нѣтъ, ты!

Леночка. Нѣтъ, ты!

Костя. Знаешь, что? Давай бросимъ жребій! Кстати вотъ тутъ со вчерашняго вечера остались косточки отъ игры въ гусекъ. Давай ихъ бросимъ и у кого изъ насъ

выйдет самая младшая цифра, тотъ и долженъ показывать первый!

Леночка. Хорошо [оба подсаживаются къ столу и берутъ косточки] Начинай ты первый!

Костя. Нѣтъ, ты!

Леночка. Опять! Опять начинается ссора! Ну, хорошо, изволь!.. Я начну первая, только не плачь, пожалуйста!

Костя. Я никогда не плачу по пустякамъ.

Леночка. А кто вчера проревѣлъ все утро, что было пасмурно и шелъ дождь?

Костя. Такъ развѣ это пустяки? Это вотъ ты сама всегда реवेशь, когда тебѣ дадутъ столько-же сладкаго, сколько и всѣмъ.

Леночка. Что-же я жадная по твоему? Да? Нѣтъ, ты говори: я жадная по твоему?

Костя. Да чего ты ко мнѣ пристала? Вѣчно начинается ссоры. Бросай лучше косточки, а то я встану и уйду!

Леночка. Ну, хорошо-же! Я тебѣ это припомню! [бросаетъ косточки]. У меня шесть да одинъ, это будетъ семь. Я выиграла!

Костя. Теперь моя очередь. [бросаетъ косточки]. У меня пять! Нѣтъ, не пять, а еще два, значитъ всего тоже семь! Начинай сначала!

Леночка. Теперь ты начинай!

Костя [бросаетъ косточки]. Четыре!.. Отлично! Впрочемъ, еще и на этой косточкѣ еще четыре!.. Это будетъ..

Сколько это будетъ четыре да четыре?

Леночка. Восемь... Дай теперь брошу я! [бросаетъ].

Костя. Сколько?

Леночка. Опять семь! Я выиграла! Показывай письмо!

Костя. Ты сплutowала, давай переиграемъ!

Леночка. Я не такой плутъ, какъ ты. Это ты всегда мошенничаешь въ игрѣ! Нечего сваливать на другихъ! Самъ сплutowалъ, а говорить на другихъ.

Костя. Ты вѣрно опять хочешь поссориться? Всегда вотъ ты такъ!..

Леночка. Зачѣмъ же ты называешь меня плутомъ?

Костя. Это ты первая назвала меня плутомъ!

Леночка. Константинъ, да въ своемъ-ли ты умѣ? Опомнись! Кто первый сказалъ „переиграемъ“?

Костя. [сконфуженно]. Ну, что-же? Я хорошій мальчикъ, я уступлю... Я всегда уступаю тебѣ первый... Я хоть и не красивъ, за то уменъ.

Леночка. Какъ нашъ дворникъ Семень...

Костя. Хорошо, я покажу... Я не такой упрямецъ, какъ ты... Это ты всегда упрямышься, а я... я добрый... я покажу! На, возьми, читай! [подаетъ письмо].

Леночка [радостно]. Кому оно адресовано?

Костя. Можешь прочитать сама... Тамъ видно!.. Я добрый... Я все всегда покажу!

Леночка [читаетъ] „Милая, дорогая сестра Леночка, поздравляю тебя съ днемъ твоего ангела и желаю тебѣ...“ Ахъ, ты мой милый! Это ты мнѣ написалъ поздравленіе? Дай я тебя поцѣлую! Вотъ не ожидала!

Костя. А твое письмо?

Леночка. Вотъ оно, читай! [передаетъ ему свое письмо]. Только погоди, я отвернусь, а то мнѣ такъ стыдно и неприлично!..

Костя. [читаетъ] „Дорогой братъ Костя, поздравляю тебя съ анге-

— Я такъ радъ, что ты—моя сестра!

ломъ и желаю тебѣ быть такимъ большимъ, какъ и нашъ папа!..“ Вотъ видишь, Леночка, я-же говорилъ тебѣ, что ты первая должна

была показать мнѣ твое письмо! Развѣ я виноватъ, что мы оба, ты и я, именинники въ одинъ и тотъ-же день? Можно мнѣ тебя поцѣловать? Я такъ радъ, что ты—моя сестра! [цѣлуетъ ее].

Леночка. А я такъ рада, что ты мой братъ! Всѣ мальчишки дураки, одинъ ты умный!

Костя. Всѣ дѣвочки злыя, одна только ты добрая!

Леночка. Зачѣмъ же мы тогда ссоримся? Давай больше не ссориться никогда!

Костя. Давай. А то вѣчно ты задираешь первая!

Леночка. Нѣтъ, это ты всегда задираешь первый!

Костя. Нѣтъ, ты!

Леночка. Нѣтъ, ты!

Костя. Нѣтъ, ты! Вотъ я сейчасъ пойду и пожалуюсь на тебя мамѣ!

Леночка. Ты всегда былъ первый доносчикъ и фискаль!

Костя. Если ты будешь ругаться, то я тебя вздую!

Леночка. Я сегодня именинница, мнѣ сегодня нельзя плакать... Ты не смѣешь меня сегодня бить!

Костя. Я нынче тоже именинникъ и ты не смѣешь меня обижать!

Леночка. вмѣсто того, чтобы хорошенько меня поздравить, ты говоришь такія слова... какъ тебѣ не стыдно?

Костя. А какъ тебѣ не стыдно

— Не отдам!
— И я тебѣ тоже не отдам!

обижать меня, когда я тоже именинник? Давай сюда назадъ мое письмо!

Леночка. Не отдам!

Костя. И я тебѣ тоже не отдам!

Леночка. Тогда я буду плакать.

Костя. И я тоже заплачу!

(Оба громко режутъ на всю сцену).

Леночка. Костя, ты злой мальчикъ?

Костя. Нѣтъ... я добрый и умный... Я хоть и не красивъ, за то уменъ.

Леночка. Давай помиримся!

Костя. Давай!

Леночка. Подойди ко мнѣ и поцѣлуй.

Костя. Нѣтъ, ты первая подойди ко мнѣ и поцѣлуй!

Леночка. Ишь, чего захотѣлъ! Я— барышня!

Костя. А я кавалеръ. Не хочешь первая подойти и не надо. Можешь убираться отсюда вонъ!

Леночка. Это ты можешь убираться вонъ. Я не пойду!

Костя. Нѣтъ, пойдешь!

Леночка. Нѣтъ, не пойду!

Костя [наступая на нее]. Нѣтъ, пойдешь! Я тебя отсюда выгону вонъ насильно!

Леночка. А я вцѣплюсь тебѣ въ волосы!

Костя. А я подставлю тебѣ ножку!

Леночка. А ну, попробуй!

Костя. Нѣтъ, ты попробуй!

Леночка. Нѣтъ, ты!

Костя. Нѣтъ, ты [наступаютъ другъ на друга].

(За сценой голосъ мамы: «Леночка! Костя! Идите скорѣе! Мороженное принесли!»)

Леночка и Костя [радостно взвизгиваютъ].

Леночка. Мороженное принесли!

Костя. Мороженное!

Леночка. Ну, давай скорѣй мириться, а то мороженное растаетъ!

Костя. Давай, давай! [наскоро цѣлуются]. Сейчасъ, мамочка, сейчасъ! Мы только помиримся!

Оба. Мороженное! Мороженное!
[Хлопаютъ въ ладоши и обнявшись, весело убѣгаютъ въ сосѣдную комнату].

ЗАНАВѢСЬ.

N. N.

≡ I Ю Л Ь. ≡

Юль... Ни облачка на небѣ...
 Такъ много свѣта и тепла
 И такъ кричатъ перепела,
 Что шумъ стоитъ въ созрѣвшемъ
 хлѣбѣ.

Но въ полдень такъ вдругъ станетъ
 жарко
 Что жизнь стихаетъ, все молчитъ
 Одинъ лишь перепелъ стучитъ
 Да комары зудятъ по парку.

Проснешься утромъ—всюду въ
 травкѣ
 Роса блистаетъ и въ кустахъ
 Порхаютъ бабочки. Въ цвѣтахъ
 Жужжать жучки, ползуть козявки...

И только вечеромъ, въ прохладу,
 Когда вдругъ выйдешь на крыльцо
 И вѣтеръ дунетъ вдругъ въ лицо,
 Тогда лишь чувствуешь отраду.
 Ирисъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Даны три слова: варенье, сирота
 и мотылёкъ.

Взять отъ каждаго изъ нихъ по
 одному слогу и составить изъ
 этихъ слоговъ новое слово, озна-
 чающее названіе цвѣтка.

Какой это цвѣтокъ?

II.

Кто взять отъ земли, горѣль въ
 печи огненной, вывезетъ на пло-
 щадь, бить палкой и затѣмъ про-
 данъ?

III.

Задумать четыре слова, озна-
 чающія названія:

1) Мягкія части тѣла человѣка
 и животныхъ.

2) Инструментъ, которымъ па-
 шутъ землю.

3) Принадлежность кабинета и
 столовой.

4) То, что помогаетъ намъ согрѣ-
 вать наше тѣло.

Вторыя буквы этихъ словъ со-
 ставляютъ собою названіе южнаго
 города Россіи.

Какія слова задуманы и какой
 это городъ?

IV.

Задумано слово, состоящее изъ восьми буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8.

Буквы 7. 6. 2. 1. 5. 1 — означаютъ друга человѣка, 2. 1. 3. 2. 1. 3. 4. 7. 8 — ягодный кустарникъ, 2. 1. 3. 5. 1. 7. 8 — большую лодку. 5. 6. 7. 1 — сельско-хозяйственный инструментъ, 3. 1. 5. 8 — водяное животное, 5. 6. 3. 5. 1 — поверхность апельсина, 3. 6. 7. 1 — то, что бываетъ на травѣ по утрамъ и по вечерамъ.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе фрукта съ косточкой.

V.

Шелъ большой дождь. Была грязь. Барыня несла шелковый черный зонтикъ и уронила его. Подбѣжалъ мальчишка, поднялъ этотъ зонтикъ и вмѣсто того, чтобы отдать его дамѣ, убѣжалъ съ нимъ. Но это увидалъ городской. Онъ догналъ мальчишку, отнял у него зонтикъ, отдалъ его дамѣ, а вора повелъ въ участокъ.

Подъ какимъ зонтикомъ шла дама, какой именно зонтикъ укралъ мальчишка и за что именно городской повелъ мальчишку въ участокъ?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 14, помѣщенныхъ въ № 16 „Золотого Дѣтства“:

Головоломки: I. Дуло, Лицо, Гѣсто = до + лото = долото.

II) Степанъ, Ауль. Татаринъ = стеаринъ.

III) Руина, Бабочка, Халатъ. Задуманы слова: рубаха и накатъ.

IV) За дверью на вѣшалкѣ.

V) Прибѣжали въ избу дѣти, второухъ зовутъ отца:— „Тятя, тятя! Наши сѣти притащили мертвеца!“

VI) Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру. VII) По рукамъ.

Ребусъ № 14: Надъ пр у + домъ + кр + ужи + лисъ + комъ + а + рыба + б + очки + и ст + ре + козы. = Надъ прудомъ кружились комары, бабочки и стрекозы.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Сая, Федя и Коля Климовъ, Миша, Коля и Маруся Побѣдимовы, Сережа и Шурикъ Фохты изъ Слонима, Игорь Огіевскій изъ Гродно, Кира Квашневская въ СПБ., Маруся Калинина изъ Дудергофа, Сеня Назимовъ, Женя, Жоржикъ и Паля Мацулевичъ въ СПБ., Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, В. Румшевичъ, Леля и Нина Кильціо, Соня Шерапошеръ въ СПБ., Тася Нейшилльдъ въ СПБ., А. Г. Ф. изъ Лоицка, Анатолій Смородинцевъ, Милена Потаюкъ изъ Сасова, Евгения фонъ Гардеръ изъ Барнаула, Толя и Шура Гапонъ изъ Василева Таврич. губ., Зорька Д. и Риточка Н. изъ Тульчина, Слава и Люся Василенко, Сережа и Коля Буяловы изъ Ульяновки, Коля Ильинъ изъ Ессентуковъ, Боря, Женя и Маргарита Балакшины изъ Кургана, Котикъ Вахрушевъ изъ Перми, Андруша Федотовъ донской казачекъ изъ Щучина, Шушу Георгиевская въ СПБ., Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Зина Сапожкова изъ Каменца-Подольска, Юсифъ Хайковъ изъ б. Лепатихи, Нина Пыхтѣва изъ Мензелинскаго уѣзда, Нотя Иванова, Кока Капустинъ, Эльвира Кальмансонъ, Ника Полянцевъ, Вова Крыловъ, Таня и Шура Горлачевы изъ Грайворона, Марочка Ефимова, Боря Дзѣвановскій изъ Вороновицы. Кто-то безъ подписи, еще кто-то тоже безъ подписи, Вѣрочка Балконская, Саша Березинъ, Коля Виноградовъ.

Годъ изданія четвертый.
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 НА 1911 ГОДЪ
 НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
 ДЛЯ ДѢТЕЙ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)
 подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ: въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, для городскихъ подписчиковъ: въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Кромѣ того, подписка принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

